

териала, а писал, как выясняется, Франц Кафка до последних дней. Кто, скажите на милость, знает свой смертный час?

То же можно сказать о незаконченных прозаических отрывках. У писателя нет никаких оснований уничтожить то, что он написал, пока он не оказался перед Богом. С другой стороны, Кафка узнал, что умирает, далеко от дома. Смерть настигла его в санатории и, следовательно, он на самом деле лишён был возможности избавиться от своего творческого наследия. Это не помешало ему с мрачным удовлетворением заметить: «В средние века сожгли бы меня, теперь жгут всего лишь мои книги».

Каким был бы мир, если бы жена не выхватила у Набокова черновик «Лолиты», которым он собирался растопить печку? Уже одно это может послужить оправданием её замужества, не правда ли?

Надо признаться, что иные спутницы жизни не были столь сообразительны и достойны участи Жанны д'Арк, так упорствовавшей в ереси. Андре Жид, с коим немногие сравнятся, целую неделю проплакал, когда узнал, что его законная половина уничтожила в камине любовные письма романиста. А ведь автор «Фальшивомонетчиков» считал их вершиной своего литературного творчества, и ничто иное, как справедливо догадывался он, не обеспечит ему внимание потомков. Реально горевал француз. Это не помешало ему в день присуждения Нобелевской премии отправиться смотреть фильм с участием Фернанделя.

В огне сгорает не только бумага. Человеческие эмоции горят не хуже. Костёр задушил голос Бруно, исторг отречение Галилея, вынудил к малодушию Декарта. Я не плакал. И гадам буду, если это придёт мне в голову. А то, что рукописи горят, может оно и к лучшему.

«Всё что мы говорим о себе, — поэзия», — сказано однажды и навек. It is a tale by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing¹. Всегда найдётся ещё больший кретин, который определит эту историю в самое стекло.

Именно такой оступил в наивысший момент озарения «казённую книжку папиросской прожёт». Это уже Антон Павло-

вич Чехов. Не бесконечные ли пожары в Ялте и Москве сделали писателя огнепоклонником? В пьесе «Три сестры» Антон Павлович говорит об этом вполне определённо. Именно он заметил Щепкиной-Куперник, что всех дамочек, пишущих пьесы, надо бы загнать в «Мюр и Мерелиз», а магазин поджечь.

«Мы, на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем», — откликается Чехову Александр Блок, незадолго до того, как сожгли его библиотеку в усадьбе.

Есть преступления много хуже, чем сжигать книги. Например — не читать их. Меня, если честно, собственная жизнь интересует гораздо больше, чем жизнь римского императора Нерона с его поджогами, оргиями и прочими увеселениями. Ведь это Нерон Клавдий Цезарь Август Германик, великий понтифик, пятикратный консул, Отец отечества, приказал не только предать огню Рим, но и тело собственной матери.

Впрочем, история, которую я собираюсь поведать, не об этом. Это история о чудовищно нелепой катастрофе и некоторых ее последствиях. Хотя всякая история человеческая (в ледяной воде эгоистического расчёта) не что иное, как непрерывная череда катастроф и последствий. Остаётся себя утешать, что наступит день, когда мы научимся печатать книги быстрее, чем их будут сжигать.

Эти заметки — своего рода назидание, практически, без каких бы то ни было моральных выпадов и сентенций. Тем не менее, мораль в них есть: автор считает огонь отрицательным опытом для человека — с первого до последнего часа. Держитесь от огня подальше — это одна из самых ловких ловушек на свете. Хотя всегда найдётся поджигатель — таинственный незнакомец, о котором так много рассуждала Натали Саррот. Кто его поймёт? Он и сам себя не понимает.

Например, одержимый немец Пфуль был один из тех до мученичества самоуверенных людей, которыми бывают немцы. Ни для кого не секрет, что только немцы бывают самоуверенными на основании некой отвлечённой идеи — то есть, мнимого знания совершенной истины.

Французы тоже хороши. Месье Лепелетье сжёг фамильную библиотеку трёх поколений потому, что почитал лишь самого себя. В этом качестве он готов был очаровывать не только женщин, но и мужчин.

Англичанин Сакс, затеяв пожар в приходской читальне, был абсолютно уверен в своём изначальном превосходстве над книгами. Как поданный её королевского величества, он всегда знал, что ему делать, и знал, что всё, что он, джентльмен и сын Альбиона, делает, несомненно, на пользу человечеству.

Итальянец же самоуверен на том основании, что он всегда взволнован непонятным причинам, и в этом приподнятом настроении легко забывает и себя, и других. В XVII веке только в одной Флоренции некий почтенный сеньор Тропатони безо всяких колебаний отправил на костёр почти три тысячи красавиц, которых он посчитал орудием дьявольских сил. Ну, может, не все они были ведьмами и многих и впрямь сожгли по ошибке, я точно не знаю. Ведьмы или нет, как правило, приходится устанавливать посредством пыток, но то, что эти красотки со всем своим чернокнижием, по мнению святого отца, заслуживали очистительного пламени, очевидно. Яснее некуда.

О, пресвятая инквизиция! Sancta simplicitas!² Знать бы, где соломку подстелить.

Русский, как утверждает Толстой, тоже самоуверен до крайности именно потому, что ничего не знает и, если честно, знать не хочет. Русский человек к тому же ни капельки не верит, что при желании можно узнать хоть что-нибудь эдакое, что перевёрнёт его вселенную вверх дном. Но всё равно немецкая самоуверенность хуже всех, и твёрже всех, и противнее всех, настаивает Лев Николаевич, потому что только германский гений на самом деле вообразил, что знает сущую правду, которую сам же выдумал. Ага. Только для немца научные открытия есть абсолютная истина.

Таков, очевидно, был Пфуль. Всё, что встречалось ему в новейшей литературе, казалось бессмыслицей, варварством, бе-

зобразным столкновением идей. Именно Пфуль был один из тех критически настроенных теоретиков, которые так любят свою теорию, что забывают цель этой самой теории — приложение её к литературной практике.

Вот Пфуль и сжигает Горького, Манна, Фейхтвангера и прочих властителей дум, абсолютно уверенный в своей правоте...

А потом самыми нужными книгами оказываются как раз те, которые эти самоуверенные господа безо всякого сожаления бросали в огонь.

Сколько веков дым уносится в небеса, а все на свете поджигатели выглядят мучениками, так и не ставшими героями. Пускай! Так или иначе, нечто феерическое заложено в этих персонажах, как часть всякого человека таится в его писаниях. Гордиться тут нечем.

У американского писателя Уильяма Сарояна есть поучительный рассказ о том, как неуверенность и нравственные колебания приводят нас к печальному существованию. Однажды писатель вынужден был провести ночь в каком-то заброшенном доме, где внутри и снаружи царил жуткий холод. Чудом уцелевший камин мог спасти положение, но с дровами вышел напряг. Тут Сарояну и пришла в голову отчаянная мысль, а что если растопить камин книгами, коих на полу было разбросано великое множество. Предстояло отправить в топку ни на что не годные творения.

По мере того, как Уильям пытался вынуть из кучи самые никчёмные книжонки, он всё больше впадал в уныние. В каждой из них была своя правда и своё очарование. Писатель так и не нашёл ни одного сочинения, которое следовало бы отправить в камин. Вот он и дрожал от холода, листая пожелтевшие страницы. Бедняга!

И последнее. Не мной замечено, что отвратительное и ужасное бросается в глаза в любом жанре и что пожары всякого рода непременно порождают автора, идеально приспособленного для живописания идеального поджигателя.

Так что не бойтесь непогрешимых создателей; их не существует. Caetera desunt³.

¹ Это бессмысленная история, рассказанная идиотом, где есть и шум, и ярость (англ.).

² О, святая простота! (лат.) — восклицание, приписываемое Яну Гусу, увидевшему, как некая старуха подбрасывает дрова в костёр, на котором его сжигали.

³ Остальное отсутствует (лат.).

Пролеткульт XXI века?

Во все времена находились люди, для коих особым удовольствием было «развенчивать» великие имена. Вспомним древнегреческого критика Зоила, который, что называется, «ловил блох» в гомеровских поэмах

Нередко такими «критиками» и «разоблачителями» движет вовсе не желание отыскать научную истину, добиться справедливости, а элементарная зависть к великим. Другие же следуют идеологическим догмам или политической конъюнктуре. Именно последними соображениями, похоже, руководствовался автор статьи «Бегство от действительности. Постмодернистский вариант» в «Сути времени» — газете одноимённого движения, где объектом критики стал крупнейший писатель XX века, работавший в жанре фэнтези, Джон Толкин. По мнению Святослава Иванова, создателя Средиземья сознательно уводит читателей в искусственно сконструированный мир грёз и иллюзий, вместо того чтобы в реальной жизни бороться за лучшее будущее. Можно вспомнить в связи с этим, что довоенная литературная критика точно такие же обвинения высказывала в адрес Александра Грина, признанного позднее одним из крупнейших писателей-романтиков XX века.

На сайте информагентства «Регнум» пытаются подобным же образом «развенчать» братьев Стругацких, приписывая им идеи разделения человечества на искусственно выведенную породу «сверхлюдей» и всех остальных, серую биомассу. Насколько верны и справедливы подобные выпады? Об этом журналист Анатолий Беднов поговорил с архангельским писателем, руководителем регионального отделения движения «Народный собор» Александром Тутовым.

— **Некоторое время назад в газете движения «Суть времени» появилась статья, автор которой нападает на Джона Толкина, обвиняя его в том, что романы прославленного писателя представляют собой бегство от действительности (эскапизм) в царство фантазии. Если следовать такой логике, любого фантаста или сказочника можно упрекать за уход от реальности. Получается, лишь сугубо**

реалистические творения достойны внимания читателей, а то, что находится за гранью обыденности и повседневности, как говорили во время оно, «буржуазный идеализм».

— Так можно и любого поэта обвинить, если он не про революцию стихи пишет.

— **Не про прогресс. Как у Блока по поводу таких «критиков» сказано: «Человечество движется по пути прогресса, а Пушкин воспевал женские ножки». Ещё Рэй Брэдбери вспоминается: «Ох уж этот реализм, чтоб его!»**

— Наоборот, отталкиваясь от классиков, надо всех объединять. У Толкина в его произведениях как раз и говорится об опасности власти, хотя и в сказочной манере. «Властелин колец» — одно из самых грамотных и сильных произведений о том, к чему это приводит даже лучших из героев. Тот же Фродо в конце захотел стать властелином кольца.

— **Искушение властью испытывают многие положительные персонажи романа: Боромир, Галадриэль, Гэндальф. То есть в основе его лежит очень мудрая, христианская мысль: нет людей без греха, любой может проявить слабость, поддастся соблазну,**

причём из самых благих соображений.

— При этом прикоснуться к кольцу они не рискнули, понимая, чем это чревато для них и для мира. С помощью кольца можно много хорошего сделать, но, в конце концов, оно поработит, как поработило Исидура. Просто хорошего человека оно портит медленнее...

— **Всякая власть развращает, но абсолютная развращает абсолютно.**

— Тяжёлый роман, на самом деле. Там много опасностей, испытаний.

— **И не все их выдерживают.**

— Тот же Исидур, который победил Саруна, совершил подвиг, а перед кольцом не устоял. И обвинять автора произведения, что оно уводит от действительности можно, только посмотрев какие-то отрывки из фильма, не прочитав самой книги.

Есть, конечно, среди движения толкинистов, ролевиков те, кого называют «эльфанутыми». Но надо учитывать, что это отдельные экзальтированные личности, которые влюбляются в кого-то из персонажей.

— **Это как в песне Высоцкого: «Только в грёзы нельзя насовсем убежать», потому что когда в игру уходят «насовсем», тут уже требуется медицинская помощь.**